

A close-up portrait of a man with dark hair and a beard, looking intensely at the camera. He is wearing a dark, heavy coat and a matching scarf. In the foreground, a handgun is held in a gloved hand, pointing towards the viewer. The background is blurred, suggesting an outdoor setting.

Евгений Коломеец

**Не
верь
красоткам**

Евгений Коломеец

Не верь красоткам

Серия «Следователь Чернов», книга 4

<https://litres.ru/73856159>

SelfPub; 2026

Аннотация

Следователь Чернов расследует очередное дело. Смерть местного олигарха всегда вызывает повышенный интерес, особенно если вдова - молодая красивая женщина. Кто ещё может быть основным подозреваемым. Но вроде бы простое дело начинает усложняться.

Евгений Коломеец

Не верь красоткам

Глава 1

Октябрьский рассвет на озере был не светом, а медленным, неохотным разбавлением тьмы. Сначала чернота становилась сизой, потом железно-серой, и только затем, где-то на стыке воды и неба, проступала грязная, свинцовая полоса. Воздух был ледяной взвесью, пропитанной запахом гниющих водорослей, сырой глины и далёкого, уже чувствуемого нутром, снега.

Тяжёлая лодка, с низкими бортами, скрипела уключинами, разрезая холодную воду. Ветерка не было, но холод, исходивший от воды, был осязаем и злобен. Он пробирался сквозь любую одежду, щипал щеки, заставлял сжиматься лёгкие короткими, экономными вздохами.

На веслах сидел молодой мужчина лет двадцати пяти. Лицо его, загрубевшее от сильного ветра, было неподвижно. Только глаза, узкие и светлые, постоянно бегали от воды перед носом лодки к берегу и обратно. На нём был старый, потёртый, но качественный морской термокостюм чёрного цвета.

На корме, закутавшись в толстый, дублёный полушубок поверх пятнистого костюма сидел мужчина постарше. Он пристально вглядывался в камыши, чтобы не просмотреть

буйки.

- Гребь ровнее, – хрипло бросил он, не глядя на гребца.
- Не качай лодку, сети покалечишь.

Молодой мужчина перестал грести, давая лодке пойти по инерции. Он вытер лоб рукавом, хотя потеть в этот колючий холод казалось невозможным.

- Ладно, – буркнул он, подводя лодку к нужному месту.

Работа закипела, вернее, началась её размеренная, тяжёлая часть. Мужчина постарше молча, привычными движениями зацепил буйки и начал выбирать сеть. Мокрая, тяжёлая, она с глухим шлепком ложилась на дно лодки, устилая его ковром из тины, обломков веток и редких, блестящих чешуек. Воздух наполнился густым, тошнотворным запахом рыбы, воды и гнили. По воде стала бить хвостом большая, пойманная щука. Он привстал на колени, наклоняясь над водой, чтобы не упустить желанную добычу.

Молодой мужчина осмотрелся вокруг.

«Пора», – мелькнуло в его голове. Всё произошло в одно мгновение. Без крика, без рывка он резко встал, сделал шаг и с силой толкнул руками мужчину постарше в спину. Тот от неожиданного толчка потерял равновесие и упал лицом вперёд в холодную воду. Раздался оглушительный, тяжёлый всплеск. Лодка дико качнулась, зачерпнув бортом ледяной воды.

Молодой мужчина быстро, почти по-кошачьи, перебрался на корму, чтобы уравновесить суденышко. И замер, глядя в

воду. Он знал, что мужчина постарше не умел плавать. Он боялся воды глубже пояса, и его «касса» была всегда на мелководье, у самого берега. Сейчас глубина здесь была метра четыре. Мужчина постарше вынырнул сразу, отфыркиваясь, с лицом, искажённым не страхом, а чистой, животной яростью. Тяжёлая одежда моментально напиталась водой, превратившись в свинцовый панцирь.

– Ты... что?! – захлебнулся он, молотя руками по воде, пытаясь удержаться на поверхности. Но его тут же накрывало с головой. Он вынырнул снова, уже с другим выражением – теперь в его глазах читался леденящий ужас.

Молодой мужчина не двигался. Он сидел на корме, обхватив колени руками, и смотрел. Смотрел, как барахтается в ледяной воде этот сильный, всегда командовавший им человек. Эмоции, кипевшие в нем минуту назад, схлынули. Осталось только это леденящее, почти научное наблюдение. Он видел, как слабеют удары, как крики превращаются в хриплое, захлёбывающееся бормотание, как в последний раз над водой показывается мокрая голова, и взгляд, наполненный уже не яростью и не страхом, а немым вопросом. Потом – только пузыри на тёмной, неподвижной поверхности. Через несколько секунд и они исчезли.

Тишина вернулась. Давящая, абсолютная. Далёкая ворона прокаркала на берегу, и этот звук казался пришедшим из другого мира. Холод, исходивший теперь не только от воды, но и изнутри, пронизал его до костей. Он ждал. Ещё минуту.

Ещё две. На поверхности не было ничего. Только отражение серого, беспросветного неба.

Он медленно поднялся. А затем, сделав шаг и встав на край лодки, с силой оттолкнулся от борта ногами, перевернув лодку в сторону своего прыжка.

Удар воды был как удар миллиона ледяных игл, несмотря на термокостюм. На миг его сжало темнотой и холодом. Он вынырнул, отплёвываясь. Лодка лежала вверх килем, медленно вращаясь, похожая на мёртвую, чёрную рыбу. Он быстро поплыл к берегу, чувствуя, как тяжелая одежда тянет его на дно. Выбравшись на сушу, уже без спешки, дрожа от холода и адреналина, побрёл вдоль берега, к своему домику, где они останавливались.

Он представлял, что будет говорить потом. «Мы проверяли сети. Сеть за что-то зацепилась на глубине. Он наклонился за рыбой... Лодку качнуло... Я бросился ему на помощь, но не удержал... Пытался нырять, но холод, темнота... Сам еле выбрался, лодку перевернуло...»

Он повторял это про себя, оттачивая каждую фразу, каждый жест отчаяния. Скоро начнется поиск. Приедут мутные от похмелья мужики, полиция с усталыми лицами. Будут задавать вопросы. Он будет отвечать, глядя им в глаза своими пустыми, светлыми глазами. Несчастный случай. Так получилась. Он сам ничем помочь не мог.

Несколькими неделями ранее.

Воздух в зале суда был густым, спёртым и тяжёлым, словно впитал в себя за долгие годы все страхи, надежды и отчаяние многих людей, прошедших через эти стены. Свет из высокого мутного зарешеченного окна падал столбом, в котором кружились пылинки, словно маленькие участники собственного, никому не ведомого судебного процесса. Казалось, сам дух закона – строгий и неумолимый незримо витал под этими сводами. Судья оглашал приговор. Его слова были сухими, казенными, лишёнными эмоций, но для подсудимого они звучали как траурная музыка:

– Кольцова Ивана Семеновича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 241 УК РФ и назначить ему наказание в виде 1 года лишения свободы. На основании статьи 73 УК РФ – назначенное наказание в виде лишения свободы считать условным с испытательным сроком 1 год....

Иван вышел из зала судебного заседания и чувствовал себя так, как будто сбросил с плеч тяжеленный мешок, который таскал целую вечность. Он с наслаждением вздохнул свежий воздух.

« Ну хоть не посадили и то хорошо», – пронеслось в голове, но радости почему-то не было. Только тупая, ноющая пустота в груди, словно из него вынули что-то важное, оставив одну оболочку.

Погода под стать его состоянию была ни рыба ни мясо. Ранняя осень уже вцепилась в город мокрыми пальцами, но

до настоящих холодов было еще далеко. Небо висело низко, затянутое однотонной, выцветшей марлей облаков. Моросил мелкий, противный дождь – не ливень, а так, водяная пыль, которая не мочит, но пробирает до костей, заставляя зябко поводить плечами. Лужи на асфальте пузырились под редкими каплями, отражая серый свет утра и смазанные силуэты прохожих, спешащих по своим делам. Пахло мокрой листвой, прелью и свободой, отдающей горечью.

Иван спустился с высокого крыльца, сунул руки в карманы лёгкой куртки, которая совсем не грела. Он дошёл до своего автомобиля на парковке и уселся за руль. Перед его глазами всё ещё стояла картина недавней жизни, которая теперь казалась сном. Как он, Ваня из маленького городка, вдруг почувствовал себя королём ночного города.

Как всё начиналось-то? Он работал в такси, возил пьяных клиентов. Видел, как живут другие. Как деньги текут рекой мимо него. Познакомился с девчонками «с низкой социальной ответственностью», как их называли в протоколе. Смешно. Просто девчонки, которые хотели есть, а некоторые – ещё и красиво жить. Познакомился с администраторами саун и гостиниц. И решил заняться данным бизнесом и организовать свою «контору».

Он вспомнил запах прокуренных администраторских, шёпот: «Иван, клиент на девочку, у тебя есть кто?» И были. Сидели у него в машине, как птички в клетке: Настя, Рита, иногда приезжая Лера. Схема работы простая, чем боль-

ше заказов, тем больше получаешь. Кто ездит ночью? Обычно одни алкаши. Кто-то в кабаке просидел допоздна, общественный транспорт уже не ходит, домой только на такси можно доехать. Другой только собрался пьянствовать, кафешки уже обычно закрыты, альтернатива только ночной клуб. Потом из клуба также народ разъезжается, если парочки уединяются, то в гостиницу едут. Другие сразу по саунам едут. А что в сауне делать? Девочек вызывают. А как девочек вызвать? Обращаются к администратору. Тот обзванивает по известным телефонам лицам, которые работают в эту ночь. Чтобы отделаться от конкурентов Иван стал предлагать администраторам повышенный процент за вызов. Когда клиенты просили вызвать девушку для «отдыха», то ему звонили в первую очередь. У него сидели в машине 3-4 дежурных девушки и вёз их в нужное место. Девушка брала от клиента плату и отдавала деньги Ивану, который тут же рассчитывался с администратором. Все были довольны, заказов было много, деньги текли рекой. Он хотел уже расширяться, нашёл водителя на вторую машину, нанял других девчонок, но сказочке пришел конец. Его задержали с поличным на одной бане и одели наручники. Вменили – организацию занятия проституцией и теперь получил срок. Как казённо и мерзко звучало это на заседаниях. Иван помотал головой, отгоняя воспоминания. Всё. Закончилось. Теперь он снова пустое место, винтик в системе, а не маленький, но винтик.

Он посмотрел на часы. Половина десятого утра. Надо

ехать домой отдыхать, а вечером опять таксовать. Машина не его, арендная. Деньги за аренду надо платить независимо от того, есть у него настроение или нет. Работать надо. График зверский: шесть дней в неделю, один выходной. Активируешь приложение в смартфоне и получаешь заказы – механическая форма выживания. Снова возишь пьяные рожи, снова слушаешь пьяную болтовню, снова смотришь, как живут другие.

Дождь усилился. Крупные капли забарабанили по кузову автомобиля. Иван завёл двигатель и поехал домой, надо немного расслабиться, взять пивка разливного, рыбки копчёной, то есть обмыть окончание дела.

.....

Очередная смена проходила как и всегда. Дождь в Барнауле к полуночи не утихал, он превращался в назойливую, ледяную кашу, которая мешалась со снежной жижей под колёсами. Иван Кольцов прищурился, всматриваясь в размытые фары и мокрый асфальт улицы Авансова. Стеклоочистители ходили ходуном, но не успевали. Такси – новенький «Хавал Джолион» пулей летел на только что полученный заказ. Машину взял в аренду всего три дня назад. Пробег минимальный. Нужно забрать клиента с отеля-ресторана «Прага». Движение было уже неоживленное, машин на улице было уже мало. Он подъехал, стал ожидать клиента. Из зер-

кальных дверей вывалилась группа подвыпивших мужчин, их громкий смех пробивался сквозь шум мотора. Один, самый крупный, в сером дорогом пальто отцепился от компании и, покачиваясь, с трудом поплёлся к его машине. «Не попутчик, а сразу проблема», – подумал Иван.

Пассажир грузно рухнул на заднее сиденье, принесся с собой запах дорогого коньяка, сигар и влажного кашемира.

– Трогай, – небрежно бросил он хриплым голосом, не глядя на водителя. – Только без трёпа.

Иван кивнул и тронулся. Мужчина достал телефон и начал кому-то хмуро доказывать, что «счёт должен быть закрыт до понедельника, иначе будут проблемы». Иван отрешился, уйдя в привычное состояние автомата: педали, руль, зеркала.

Они уже выезжали на объездную дорогу, когда в боковое зеркало упёрлись ослепительные фары внедорожника. Большой, тёмный «Ниссан-Патрол» пристроился вплотную к заднему бамперу, мигнул дальним светом.

– Чёрт, – тихо выругался Иван, сбавив скорость, чтобы пропустить грубияна.

Но «Патрол» не обгонял. Он прилип, как пиявка. Потом пошёл на обгон, но, поравнявшись, не ушёл вперёд, а начал прижимать такси к обочине.

– Эй, что за хрень? – пробурчал сзади пассажир, оторвавшись от телефона.

– Не знаю, – сквозь зубы процедил Иван, чувствуя, как в

животе похолодело. Лихачи и пьяные были частью работы, но такая настойчивая агрессия была редкостью.

Внедорожник резко рванул вперёд и тут же перестроился прямо перед ними, сбросив скорость. Иван ударил по тормозам, машину повело по мокрому асфальту. Сзади раздался гневный окрик. Потом «Патрол» снова затормозил. Игра явно была не на опережение, а на устрашение. В окне внедорожника с правой стороны высунулось и мелькнуло ухмыляющееся лицо.

– Ах, это же Петрович, – рассмеялся довольный пассажир.
– А ну-ка сделай этого лоха.

Иван понял, что это так с ними шутят и он вдавил педаль газа в пол. Его ладони вспотели, но руки на руле были твёрдыми. Он видел дорогу не как поток машин, а как шахматную доску.

«Хавал» резко ускорился, оставив «Патрол» позади. Но тот не сдавался и погнался за ними. Более мощный двигатель здесь побеждал, поэтому «Патрол» догнал и перегнал их, но впереди появился знак «40» и он начал сбрасывать скорость. Иван знал, что здесь находится камера слежения.

– Не тормози, – скомандовал мужчина. – Штрафы оплачу.
«Хавал», не снижая скорости пролетел под камерой и резко оторвался от преследователя.

– Молодчик! Сделал его! – радовался как ребенок счастливый пассажир.

Они подъезжали к перекрестку, и Иван увидел впереди

светофор, горевший жёлтым. На пересекаемой дороге уже трогалась с места фура.

– Не тормози! Гони!

Иван оценил расстояние, скорость, коэффициент скольжения по дороге и он прибавил газу, намереваясь проскочить на красный. Догнавший их «Патрол» резко затормозил, а «Хавал» пролетел через перекресток, объехав поворачивающую фуру и умчался вперед. Сердце Ивана колотилось где-то в горле. Восторгу пассажира не было предела. Он буквально визжал от радости.

– Как мы его сделали! Какой кайф! Ты настоящий Шумахер!

Иван стал снижать скорость и только сейчас немного успокоился. Пассажир в это время стал разговаривать по телефону.

– Петрович! Ты полный лошара. Мы тебя сделали как дитя малое, – и он весело смеялся над собеседником. – Вот так надо ездить. Учись.

В это время поездка закончилась и они подъехали к нужному дому. Мужчина протянул ему купюры.

– На! Тебе на все расходы.

– Спасибо, – радостно отметил Иван.

– Сейчас я к тёлке, часа на два. Жди меня здесь. Потом домой отвезешь, – безапелляционным голосом заявил мужчина.

– Конечно, – сразу согласился Иван. Такого денежного

клиента можно подождать. Мужчина направился к одному из подъездов и исчез в темноте. Иван припарковал автомобиль на свободное место и откинулся на сиденье назад. Включил погромче музыку. Салон наполнился шумом «Cannibal Corpse». Булькающие хрипы вокалиста Джорджа Фишера и гремящие гитарные рифы создавали атмосферу брутальности. Такая агрессивная музыка помогала не засыпать в своих ночных поездках и давала дополнительный заряд адреналина. Он прикрыл глаза, но дверь машины резко распахнулась и рядом с ним на пассажирское сиденье завалился его заказчик. Иван впервые разглядел его лицо. Широкое, с тяжёлой челюстью, пронизанными сеткой капилляров щеками и большими, очень внимательными глазами. Эти глаза сейчас изучали его так, будто Иван был не человеком, а интересным механизмом.

– Не пустила стерва. Не понравилась, что пьяный, – недовольно заявил он. – Да пошла она...

– Да, бабё оно такое, – поддакнул Иван, выключая звук магнитолы. – Нельзя на них надеяться.

– Совсем обнаглела, – продолжал возмущаться незнакомец. – Столько денег из меня вытянула. А теперь вытрёпывается.

– Бесплатные женщины всегда дороже обходятся, – сделал вывод Иван. – Проверено опытом.

– Придется домой ехать, – стал сокрушаться пассажир.

– Какой смысл? – закинул удочку Иван. – Можно поехать

в сауну, сейчас ночью свободные есть. Заказать девочек. Так сказать, культурно отдохнуть.

Мужчина сразу обрадовался. Его лицо растянулось в ободряющей улыбке.

– А ты знаешь куда можно ехать?

– Конечно.

«Вот и мои старые контакты пригодились, – пронеслось у него в голове. – Можно сегодня хорошо заработать».

Иван начал прозванивать номера администраторов саун.

– Сауна «Пекин» свободна, – сообщил он мужчине. – Сейчас туда поедем.

Он завел двигатель и «Хавал» ринулся в темноту. Иван набрал номер Насти, его бывшей работнице. Та долго не брала трубку, но всё-таки ответила сонным голосом.

– Быстро собирайся, – ничего не объясняя, начал Иван. – Минут через двадцать заеду к тебе.

– А что такое?

– Нужны твои услуги.

– Ладно, сейчас соберусь, – всё поняла Настя. – Когда подъедешь, набери.

– Тебя как зовут? – хриплым голосом спросил пассажир.

– Иваном кличут.

– Я вижу, Ванька, ты хороший парень, – сказал он, доставая свой телефон. – Говори свой номер, буду тебя всегда напрямую вызывать.

Иван ничего не имел против, такой постоянный клиент

всегда нужен. У него были уже постоянные клиенты, но такой денежный попался ему в первый раз.

– Я, Сомов. Сергей Николаевич, – продолжил пассажир.
– А эта Настя, девка нормальная?

– Не то слово. Девчёнка хоть куда. Ещё никто не жаловался. Настоящий талант.

– А это мы проверим! – похабно расхохотался Сомов.

После того, как они забрали Настю, то заехали в кругло-суточный магазин, где Сомов набрал закуски.

– Вискарь у администратора возьмем, – пообещал Иван.
– Придумали же идиоты сухой закон ночью.

Позднее они уютно расположились за столом в сауне, завёрнутые в простыни. Сомов продолжал хлестать виски, который ему усердно подливала Настя. Иван усердно налегал на копчёную курицу, запивая соком. Настя, как опытная дама, разводила Сомова на разговоры. Тот, уже заплетающимся языком, поведал им, что является крутым бизнесменом, имеет ежемесячный доход с несколькими нулями, владелец автосалона, нескольких офисных зданий, автозаправок.

– Меня в городе все знают. Я уважаемый человек.

Настя кивала головой.

– Я как вас увидела, то сразу узнала.

– Я когда к губернатору захожу – ногой дверь открываю,
– продолжал хвастаться Сомов.

– А супруга у вас чем занимается? – спросила Настя.

– А чем может супруга заниматься? – искренне удивился

Сомов. – Деньги тратить и мозги мне выносить.

– Все правильно, – вступил в разговор Иван. – Жена нужна, чтобы детей рожать и суп варить. Для остального любовница должна быть.

– Приятно послушать умные мысли, – сказал Сомов, выпивая очередную рюмку виски. Настя тут же наполнила её.

– А сколько вы можете в месяц денег израсходовать? – спросила она.

– Хоть сколько могу. Мне, вообще, без разницы сколько у меня денег. Лично мне много не надо.

– Мне бы ваши проблемы, – с грустью сказал Иван.

– Я тебе сейчас одну умную вещь скажу, раскрою тайну обогащения, – стал хитро улыбаться Сомов, чувствуя себя профессором на лекции перед студентами.

– Чтобы получить много денег, необходимо от них отказаться, – продолжил он.

Иван и Настя с изумлением уставились на него.

– Это означает, что если у тебя есть мечта получить много денег, то у тебя ничего не получится.

– Как так? – спросила Настя.

– Потому что ты будешь зависеть от результата. А это препятствует осуществлению мечты. Ты останешься бедным.

– И что же тогда делать бедному человеку? – растерянно спросил Иван.

– Самый лучший вариант заниматься любимым делом. А деньги они сами придут. Отказ от контроля и привязанности

к плодам своих действий принесёт нужный тебе результат.

– Я всё равно не могу понять, – задала вопрос Настя. – Как можно что-то делать и не зависеть от денег?

– Изобилие – это состояние. А не количество денег на счету, – наливая очередную стопку говорил Сомов, глядя на них прищуренным взглядом. – Причём это относится не только к деньгам. Если вы слишком цепляетесь за результат, например - «мне позарез нужны деньги, или работа, или этот человек». – То вы посылаете во вселенную вибрации нужды и дефицита. Вы словно кричите – у меня этого нет. Отпуская результат и действуя с полной отдачей, вы начинаете действовать наилучшим образом и именно такие действия приносят максимальные дивиденды. Когда вы гоняетесь за каждой копейкой с ужасом в глазах, то деньги у вас ускользают. Независимость от результата – это наивысшая форма доверия.

– Это получается, что можно ничего не делать и только ждать, – удивленно спросил Иван.

– Нет. Это означает, что нужно действовать. Но внутри быть готовым принять любой исход как лучший для вашего развития. Если что-то не получилось, то возможно тебя ожидает что-то более лучшее. И самое главное, – Сомов сделал многозначительную паузу. – Нужно быть благодарным за то, что у тебя есть сейчас. Это утверждает тебя в изобилии настоящего момента. И самое главное – нужно уметь довольствоваться малым.

Иван замолчал, обдумывая услышанное: « тебе хорошо

так рассуждать. Когда деньги куры не клюют. Когда на счету в банке кругленькая сумма. Легко отказаться от денег, когда знаешь, что они у тебя есть и ты всегда можешь ими воспользоваться. А ты попробуй от них откажись, когда у тебя их нет. Нет, мне такие идеи не подходят».

Настя ещё задавала какие-то вопросы.

- А ты знаешь, как по сказкам определяется возраст женщины? – обратился Сомов к Насте, резко переменив тему разговора.

- Нет, – ответила она.

- 8 лет – укладываешь её в постель и рассказываешь ей сказку, 18 лет – рассказываешь ей сказку, чтобы уложить её в постель, 28 лет – не надо рассказывать сказку, чтобы уложить её в постель, 38 лет – она рассказывает тебе сказки, чтобы уложить тебя в постель, 48 лет – рассказываешь ей сказки, чтобы не ложится в постель, и 58 лет, – он сделал паузу. – Не вылазишь целый день из кровати, чтобы не слушать, как она сочиняет тебе сказки.

Сомов стал смеяться над своей шуткой. Иван же с раздражением взял свой телефон и стал читать новости.

Уже под утро, когда они подъезжали к дому на "Рублевке", Иван растолкал дремлющего Сомова.

- Приехали.

Сомов открыл глаза и с удивлением уставился на Ивана.

- Где мы?

- Вы же этот адрес назвали. Я правильно приехал?

– Да, да, правильно, – наконец-то дошло до пассажира. Его лицо расплылось в широкой улыбке.

– Ты, я вижу, парень путёвый, – заплетающимся языком продолжил Сомов. – У меня к тебе предложение, Иван. Забей на свою консервную банку. После трёх подкатывай ко мне на работу в бизнес-центр «Форвард». Будешь возить меня. На нормальной машине. Денег дам втрое больше, чем ты тут за месяц насобираешь. Мне такие люди нужны.

Иван медленно повернулся. Дождь стекал по стеклу, за спиной Сомова плыли размытые огни ночного города.

– Работать у вас водителем? – осторожно спросил он.

Сомов усмехнулся и вытащил из внутреннего кармана толстую пачку купюр, отсчитал несколько, сунул Ивану в руку.

– Это за сегодня. Так что жду. Не пожалеешь.

Сомов вылез из автомобиля и на трясущихся ногах направился к калитке своего дома. Иван завёл двигатель и вырулил на пустынную ночную дорогу. Настя спала на заднем сиденье. Ивану оставалось завезти её домой и самому ехать отдыхать. В голове стучало только одно: это был не просто заказ. Это была дверь. И он, сам того не желая, уже переступил её порог. Обратной дороги, он смутно чувствовал, не было.

Глава 2

Ровно в три часа Иван стоял у подъезда бизнес-центра «Форвард». Дождь прекратился, небо оставалось свинцо-

вым, низким, будто придавливало город к земле. Он был в единственном приличном костюме, купленном три года назад для похорон дяди. Костюм висел мешком, но другого не было.

Он набрал номер телефона, шли длинные гудки. С каждым гудком он чувствовал себя всё хуже и хуже. " Он про меня даже сегодня и не вспомнит, – подумал Иван. – Зря сюда сразу приехал, надо было ещё из дома позвонить". Расстроенный Иван, положил телефон в карман и направился к своему автомобилю.

Из зеркальных дверей вышел не Сомов, а другой мужчина. Лет сорока, в идеально сидящем шерстяном костюме, с усталым лицом, которому не по чину разгребать чужие грехи. Он окинул Ивана беглым, безразличным взглядом.

– Кольцов? За мной.

Мужчина представился Виктором, помощником Сергея Николаевича. Его рукопожатие было сухим и холодным. Они прошли через холл с мраморным полом, мимо охранника. Им оказался Сердитов Юра – его давний знакомый, бывший таксист, с которым он часто пересекался по работе. Юра ему молча улыбнулся и кивнул головой в знак приветствия. Они поднялись на лифте, при этом Виктор не проронил ни слова, и это молчание давило сильнее любой проверки.

Их ждал не кабинет, а просторный, пустой конференц-зал с панорамными окнами на мокрые крыши Барнаула. В центре стоял один стул. Виктор кивнул на него.

– Сергей Николаевич будет через пятнадцать. Он просил передать: машина в подземном паркинге, место А-14. Ключи, – он взял со стеклянного стола брелок и протянул ему. – Осмотритесь. И подумайте, нужно ли вам это?

– Что «это»? – не удержался Иван.

Виктор уже повернулся к выходу. У двери он остановился, не глядя.

– Работа. Всё имеет свою цену, Кольцов. Иногда помимо денег.

Он вышел, оставив Ивана наедине с гулкой тишиной зала и блестящим брелком. Ивану было неуютно в огромном зале и он решил спуститься на парковку. «Лексус LX 570» чёрного цвета стоял, как бронированный скат в луже подземного света. Иван обошел его кругом, касаясь ладонью холодного, идеального лака. Он пахло новизной, дорогой кожей и безразличием. Это была не машина, это было заявление о статусе. Он сел на водительское место, и кожаное сиденье мягко обняло его, подстраиваясь под форму тела. Тишина в салоне была абсолютной, непроницаемой для внешнего мира.

Ровно в пятнадцать-пятнадцать на парковке появился Сомов. Он шёл не один – рядом с ним, чуть поодаль, двигалась женщина. Иван, уже стоявший у открытой задней двери, замер. То, что он испытал в следующее мгновение, сравнимо лишь с кипением или пожаром крови. Она была высокая и стройная, с медно-рыжими волосами и розовой кожей, так подходящей к цвету её волос. У неё были зелёные глаза, яр-

кие и холодные, как изумруды. По всем голливудским стандартам красоты её не признали бы красавицей: для этого у неё было слишком много характера, и линия рта выглядела немного тоньше и тверже, чем нужно. Но именно это наличие характера выделяло эту даму из ряда просто красивых женщин и делало сногшибательной.

Это была дорогая, отточенная красота, словно сошедшая с глянцевого разворота. Длинное пальто песочного цвета, кашемировый шарф, тонкие черты лица, в которых читалась усталость, а в глазах – что-то острое, живое и настороженное. Жена. Должно быть, жена.

– Ну вот, Иван, знакомься, – громко, с небрежной собственнической гордостью произнёс Сомов. – Моя жена, Алиса. Алка, это тот самый парень, про которого я тебе рассказывал. Руки из нужного места растут.

Алиса кивнула едва заметно. Её взгляд скользнул по Ивану, по его нелепому костюму, задержался на лице на долю секунды дольше вежливости. Не было ни презрения, ни интереса. Была быстрая, профессиональная оценка. Как оценивают новую мебель или картину – вписывается в интерьер или нет.

– Приятно, – сказала она нежным голоском, в котором звенел лёд и шёлк одновременно.

– Вам... взаимно, – невнятно пробормотал Иван. Теперь уже не было никаких сомнений, что он согласится на такую работу. Если он не откажется от предложенного места, то

сможет постоянно находиться возле такой женщины. А этого ему теперь хотелось больше всего.

– Покатаешь нас? – Сомов хлопнул его по плечу, уже залезая в салон. – Покажи, на что твоя новая тачка способна в мирное время.

Первый маршрут был бесцельным – просто круг по центру, потом выезд на набережную Оби, затем опять обратно. Сомов что-то бубнил Алисе про встречи, контракты, она односложно отвечала. Иван ловил их разговор в зеркало. Сомов говорил громко, властно, перебивая. Алиса смотрела в окно, и в её профиле читалось отстранённое, почти физическое страдание от этого монолога. Один раз, на светофоре, её взгляд встретился с Иваном в зеркале заднего вида. Она не отвела глаз сразу. В них был вопрос. Или предупреждение. Он первым опустил взгляд, чувствуя, как по спине пробежали мурашки.

– Остановись у «Триумфа», – неожиданно сказала Алиса. Это был дорогой бутик. – Мне нужно.

– Опять? – фыркнул Сомов. – Ладно. Иван, жди.

Он вылез вместе с ней, но не пошёл в магазин, а достал сигарету, разговаривая по телефону. Алиса скользнула сквозь стеклянные двери одна.

Иван остался в машине. Его телефон завибрировал – сообщение от диспетчера такси. Он потянулся было ответить, но остановился. Его старая жизнь уже осталась позади. Она горела без него, и это вызывало странное чувство облегче-

ния, смешанное с виной. Он выключил телефон.

Через двадцать минут Алиса вернулась с крошечным фирменным пакетиком. Сомов ещё говорил по телефону, размахивая руками. Она села в машину. И снова наступила тишина, но теперь иная, напряжённая.

– Вам удобно? – не выдержав, спросил Иван, больше чтобы разрядить обстановку.

– Идеально, – ответила она, глядя прямо на него в зеркало. Её голос был тише, без той ледяной позолоты. – Сергей говорит, ты мастер экстремального вождения.

– Просто повезло вчера.

– Не верю в везение, – она чуть склонила голову. – Верю в навыки. В умение молчать. Это редкий навык здесь.

Прежде чем Иван успел что-то понять или ответить, дверь распахнулась, и в салон ввалился Сомов, неся с собой волну холода и запаха табака.

– Всё, домой.

Дорога заняла минут пятнадцать. «Лексус» плыл, как корабль, отсекая километры. Сомов задремал. Алиса не сводила глаз с окна. Иван чувствовал её взгляд в затылок, тяжёлый и изучающий.

Дом был не домом, а крепостью из стекла и бетона за высоким забором. На территории горели ландшафтные фонари, отражаясь в огромных чёрных окнах.

– Завтра в восемь утра, – сказал Сомов, вылезая. – Будешь возить Алку по её делам. Потом за мной. Координаты Вик-

тор скинет. Ключи от гостевой квартиры в доме. Поселишься там, на время испытательного срока. Чтобы под рукой. Согласен?

– Согласен, – кивнул головой Иван. Алиса ничего не говорила, загадочным взглядом рассматривая его.

Они втроем зашли в дом. Гостевая квартира оказалась студией на цокольном этаже, с отдельным входом. Она была больше и несравнимо роскошнее его собственной квартиры. Всё новое, всё стерильное, всё бездушное. Большая кровать, диван, стол, кухонная плита, холодильник. Для жизни вполне достаточно.

Он подошёл к окну. Оно выходило на внутренний двор, на голый, но идеально подстриженный куст и на стену основного дома. На втором этаже, в окне, горел свет. Там была тень. Женская. Алиса. Она стояла неподвижно, глядя на него. Потом, будто почувствовав его взгляд, резко отошла, и свет погас.

Иван отступил от окна. В тишине собственного дыхания он услышал слова Виктора: «Всё имеет свою цену». И слова Алисы: «Умение молчать».

Он сел на непривычно мягкий диван, и его обдало одиночеством. Не тем, к которому он привык в своей «однушке», а новым, особенным. Одиночеством человека, который оказался внутри красивой, прочной клетки. Двери за ним захлопнулись беззвучно. И теперь ему предстояло понять, кто в этой клетке охотник, а кто – добыча. А пока что ключи от

его новой жизни лежали на столе, отливая холодным блеском металла под светом безымянной люстры.

И с этого необузданного желания быть с этой красивой женщиной и начались все его беды.

.....

Утро было не лучше предыдущего. С неба сыпалась не то мокрая снежная крупа, не то ледяная пыль. Город тонул в серой, влажной полутьме, где фары машин к полудню всё ещё горели тусклыми жёлтыми пятнами. «Лексус» плыл по улицам Барнаула бесшумно, будто корабль-призрак в холодном тумане.

Иван сидел за рулём, сконцентрированный на дороге, но всё его существо было напряжённо направлено назад, в салон. Оттуда доносился тонкий, едва уловимый аромат – не просто духов, а смеси дорогого парфюма, свежего кофе и чего-то сугубо личного. Запах Алисы.

Он возил её уже три часа. Сначала в салон красоты на Социалистическом проспекте, где она провела сорок минут. Потом в бутик итальянской одежды, откуда вышла с двумя неприметными, но тяжёлыми пакетами. Теперь они ехали куда-то в район Речного вокзала, адрес она назвала не сразу, словно раздумывая.

Иван ловил её взгляд в зеркало. Сегодня она выглядела иначе. Не холодной статуей, а живой, но уставшей женщи-

ной. В её глазах была какая-то глубокая, затаённая тоска. Она смотрела в окно, но, казалось, не видела ни серых панельных многоэтажек, ни мокрых от дождя берёз. Она видела что-то своё.

– Иван, – её голос прозвучал неожиданно, тихо, но чётко, перекрывая тихую музыку магнитолы. – Ты не против свернуть куда-нибудь? Выпить кофе. Мне... не хочется домой. Ещё.

Вопрос был сформулирован так, что отказаться значило проявить грубость или слабость.

– Конечно, – ответил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Есть парочка приличных мест на Старом базаре.

– Нет, – она качнула головой. – Что-нибудь... не пафосное. Где не узнают. Ты же местный, наверняка знаешь такие уголки.

Он знал. Заведение называлось «Monkey» – небольшая кофейня в парке «Изумрудный». Интерьер был нарочито простым, почти богемным. Посетителей в этот час было не много. Их встретил запах свежемолотых зёрен и корицы. Со-мов здесь никогда не появился бы, даже под угрозой расстрела.

Алиса, сняв пальто, оказалась в тонком свитере из серого кашемира, обрисовывавшем её хрупкие, но точёные плечи. Она выбрала столик в углу, в полутьме. Сели. Неловкое молчание повисло между ними, густое, как пенка на капучино, который она заказала.

– Спасибо, что согласился, – начала она, играя длинной ложечкой. Её пальцы были изящными, с идеальным маникюром, но без броских колец. Только обручальное, тонкое и холодное, сверкнуло при свете лампы. – В моём мире... сложно найти человека, с которым можно просто помолчать. Или поговорить. Не о делах.

– Вы... всегда можете поговорить с Сергеем Николаевичем, – пробормотал Иван, чувствуя фальшь собственных слов.

Губы Алисы искривила едва заметная, горькая усмешка.

– С Сергеем? – она сделала маленький глоток, оставив на чашке след помады. Алый, как ранка. – С Сергеем можно слушать. Или соглашаться. Разговор – это когда двое. А с ним всегда монолог. Ты же сам видел.

Иван молчал. Он видел.

– Он тебя... не обижает? – спросила она вдруг, подняв на него глаза. В них был неподдельный, живой интерес. И тревога.

Иван осторожно пожал плечами.

– Работа есть работа. Он строгий, но... зарплата хорошая.

– Строгий, – она повторила это слово, как горькую пилюлю. – Это мягко сказано. Он изверг, Иван. Холодный, расчётливый, жестокий. Он не видит в людях людей. Только инструменты. Ты для него удобный водитель. Я – как... красивая вещь в его коллекции. Которую можно выставить напоказ, а потом запереть в сейф.

Слова лились из неё теперь тихим, ровным потоком, полным накопленной боли.

– Он контролирует каждый мой шаг. Каждую покупку. Каждую встречу. У меня нет друзей, нет подруг. Он их всех отвадил или купил. Моя жизнь – это золотая клетка с камерами наблюдения. И ты теперь... часть этой системы наблюдения. Прости.

«Прости». Это слово ударило его сильнее любой ругани Сомова. В нём была беспомощность и доверие, которое он не заслужил.

– Я не буду ничего ему рассказывать, – быстро сказал Иван, и сам удивился своей твёрдости.

– Знаю, – она улыбнулась, и эта улыбка была печальной и благодарной. – Я вижу. Ты другой. Ты не из этого мира грязи и цинизма. Ты просто... выживаешь. Как и я.

Она замолчала, давая словам осесть. Потом спросила, глядя ему в глаза:

– Тебе сколько лет?

– 22. Уже исполнилось.

– Я вижу у тебя фигура атлетическая. Спортом занимался?

– Да. Плаванием. Первый разряд.

– Это очень хорошо, – задумчиво ответила Алиса. – А у тебя есть кто-то? Жена? Девушка?

– Нет, – ответил он, решив соврать. – Некогда не было.

– Родители?

– Мать в Алейске. Больна. Отец... давно уже нет.

– И ты один, – она констатировала, и в её голосе прозвучало странное сочувствие, смешанное с чем-то ещё. – Мы с тобой похожи. Одинокие среди людей. Меня... некому защитить, Иван. Вообще некому.

Она произнесла это не как жалобу, а как констатацию чувовищного факта. И в этот момент Иван почувствовал прилив такой яростной, такой простой и мужественной нежности, что у него перехватило дыхание. Он хотел взять её хрупкую руку. Сказать, что он здесь. Что он её защитит. От кого угодно. Даже от Сомова. Но слова застряли комом в горле.

– Я... я бы мог... – начал он неуверенно.

– Не надо, – она мягко остановила его, и её взгляд стал тёплым, почти материнским. – Ты и так слишком много рискуешь, просто слушая меня. Просто... будь рядом. Иногда. Вот так. Это уже больше, чем было.

– А вы давно в браке с ним?

– Уже два года, – с грустью ответила Алиса. – Я была им так очарована, что поступала как полная дура.

Иван многозначительно молчал.

– У Сомова уже второй брак, – продолжила она. – Сын уже взрослый. Живёт с матерью.

– А у вас детей нет?

– Он не хочет, – с грустью ответила Алиса. – Если был бы ребенок, то, наверное, было бы по другому. Пойдём отсюда.

Она расплатилась наличными, оставив щедрые чаевые.

Когда они вышли, дождь превратился в мокрый снег, крупные хлопья медленно кружились в своём танце. В машине было тепло и тихо.

– Я не хочу домой, – снова сказала она, уже сидя на заднем сиденье. Её голос звучал приглушённо, будто из другого измерения. – Отвези меня в какой-нибудь отель. Я хочу побыть с тобой».

Иван почувствовал, как кровь ударила ему в виски. Он всё понял. Или ему казалось, что понял.

– Алиса Сергеевна... – начал он, пытаюсь найти хоть какую-то рациональную отговорку.

– Просто Алиса, – поправила она. И добавила, почти шёпотом, но так, что каждое слово жгло его кожу сквозь одежду. – И пожалуйста. Я не прошу тебя ни о чём плохом. Я прошу... забыться. На час. Стать не собой. Ты же понимаешь?

Он понимал. Он понимал всё с того самого момента, как её взгляд впервые задержался на нём в зеркале. Это было безумием. Самоубийством. Но её слова «меня некому защитить», её беспомощность, её доверие – смели все барьеры осторожности. Он не был героем. Он был таксистом, которого купили. Но в этот момент он чувствовал себя рыцарем, единственным, кто стоял между ней и чудовищем.

– Хорошо, – хрипло сказал он и тронулся с места.

Они приехали к отелю «Русь» и он остановился недалеко от входа. Алиса надела большие тёмные очки и, не дожидаясь, вышла.

– Жди пять минут, я наберу.

И скрылась за дверью.

Эти пять минут показались ему вечностью. Он метался между жаром желания и леденящим страхом. Он представлял, как Сомов узнаёт. Что будет тогда? Но образ её глаз, полных тоски и надежды, был сильнее. Он заглушал голос разума, как сирена заглушает шум волн.

Он дождался её звонка и поднялся на третий этаж. Номер был не люксом, но чистым и нейтральным. Шторы были плотно задёрнуты. Алиса стояла посреди комнаты, уже без пальто, без очков. Она смотрела на него. И в её взгляде не было ни слабости, ни просьбы. Был вызов. И обещание.

– Ты уверена? – спросил он последний раз, глупо, зная ответ.

В ответ она сделала шаг навстречу, подняла руку и прикоснулась пальцами к его щеке. Прикосновение было лёгким, как дуновение, и жгучим, как огонь.

– Я устала бояться, – нежно прошептала она. – Покажи, что можно не бояться. Хотя бы здесь. Мой герой.

Больше слов не было. Они целовались жадно, неистово, как будто пытались вдохнуть жизнь друг в друга. Её губы были мягкими и вкусными, её тело под тонким свитером – гибким и отзывчивым. Она вела его, и он слепо следовал, утонув в ощущениях, запахах, звуках её тихих стонов.

Это был не просто секс. Это было бегство. Взрыв. Иван, привыкший к осторожности и расчёту, отпустил все тормо-

за. Он был грубоват в своей простоте, а она – изощрённа и терпелива, направляя его, даря ему такие ощущения, о которых он только смутно догадывался. В её глазах, когда она смотрела на него сверху, он видел не только страсть, но и что-то иное – сосредоточенный расчёт, мгновенное изучение его реакции. Но мозг отказывался анализировать. Он был опьянён. Ею. Силой, которую она в нём пробудила. Мифом о том, что он, маленький человек, может что-то значить для такой красивой женщины.

Потом они лежали в молчании, в полумраке, под белым, безликим гостиничным одеялом. Голова Ивана была пуста и тяжка от счастья. Он обнимал её, чувствуя под ладонью шелк её кожи, веря, что этот момент – настоящий, единственно настоящий в его жизни.

Алиса первой нарушила тишину. Она приподнялась на локте, и её распущенные волосы упали ему на грудь.

– Ты должен быть осторожен, – сказала она тихо и очень серьёзно. – Сергей ничего не должен узнать. Никогда.

– Он не узнает, – уверенно сказал Иван, веря в это всем существом.

– И... Виктор. Его помощник. Он словно тень. Он всё видит. Он подозревает всех и во всём.

– Что мне делать? – спросил он, готовый на любое поручение.

– Пока ничего. Просто будь рядом. Как сегодня. Моя... тихая гавань. – она томно глядела ему в глаза и сделала глу-

бокий вздох. – Но нам уже пора.

Они оделись в тяжёлом, почти траурном молчании. Волшебство таяло, уступая место суровой реальности.

Он вышел первым, сел в машину, завёл двигатель. Через десять минут вышла она, уже собранная, холодная, неприступная. Такая, какой он видел её в первый раз. Она села на заднее сиденье и, глядя в окно, сказала:

– Домой, Иван. И... забудь дорогу в тот отель. Навсегда.

Он повёз её обратно домой. Вся дорогу она молчала. А он вглядывался в её отражение в зеркале, пытаясь найти в нём следы того, что сегодня произошло. Тени страсти, тепла, благодарности. Но её лицо было маской из фарфора, прекрасной и нечитаемой.

Когда они подъехали к воротам, он, нарушая все правила, выскочил, чтобы открыть ей дверь. Она вышла, не глядя на него.

– До завтра, Алиса Сергеевна, – сказал он, и в его голосе прозвучала неуместная нежность.

Она остановилась, повернула голову. И в её глазах на миг мелькнуло что-то сложное. Жалость? Сожаление? Или просто усталость от игры?

– До завтра, Иван, – ответила она ровно. И ушла, не оглядываясь, в дом, где горели яркие, но безжизненные окна.

Иван остался один. Мокрый снег таял на его плаще. Внутри всё пело и ликовало. Он был влюблён. Он был нужен. Он был защитником. Все рациональные советы – что это ловуш-

ка, что её жалобы слишком гладки, что всё произошло слишком быстро – разбивались о сладкий, опьяняющий наркотик её близости. Она вскружила ему голову, вывернула душу назнанку. И он, как мальчишка, верил, что эта головокружащая пустота и есть любовь.

Он не видел, как на втором этаже, в её комнате, где не горел свет, Алиса, стоя у окна, с холодным, сосредоточенным лицом набирала номер на телефоне.

– Всё прошло, как ты и говорил, – произнесла она без эмоций. – Рыбка клюнула. Жадно. Теперь он мой. Что дальше?

А в ответе, который она услышала, был не голос Сергея Николаевича. Но Иван, греющийся у себя в гостевой квартире счастливыми воспоминаниями, этого не знал.

.....

Утро встретило Ивана тяжёлой головной болью и противным серым светом, пробивающимся сквозь дешёвые жалюзи. Он не пил накануне, но спал плохо – ворочался, просыпался, снова проваливался в тревожную дремоту, где перед глазами стояла Алиса: то смеющаяся, то плачущая, то шепчущая страшные слова.

За окном моросил дождь. Не ливень, а так - водяная взвесь, которая делает город похожим на плохо проявленную фотографию. Иван умылся холодной водой, посмотрел на свое отражение в запотевшем зеркале. Глаза красные, под

глазами мешки, но щетина пробивается неровно.

– Соберись, тряпка, – сказал он вслух. – Работа есть работа.

К восьми утра он был на месте за рулем автомобиля. Сомов вышел в восемь двадцать. Подтянутый, в дорогом костюме, с кожаным портфелем в руке. Он кивнул Ивану, сел на заднее сиденье, бросил:

– Доброе. На работу.

– Доброе утро, Сергей Николаевич, – ответил Иван, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Они ехали молча. Сомов листал какие-то бумаги, изредка отвечал на сообщения в телефоне. Иван смотрел на дорогу, но краем глаза следил за пассажиром. Сейчас этот человек казался воплощением спокойствия и деловой уверенности. Ни за что не скажешь, что дома он превращается в монстра.

У офисного центра Сомов вышел, бросил на ходу:

– До обеда будешь на связи. Я позвоню.

– Понял, – кивнул Иван.

Оставшееся до обеда время тянулось бесконечно. Иван мотался по городу: забрал документы из типографии, отвез часы Сомова в ремонт, купил цветы для секретарши (Сомов забыл, что у неё день рождения, исправлялся на ходу). К часу дня он наконец заехал в кафе на заправке – место, где подавали приличный бизнес-ланч за триста рублей и не смотрели косо на водителей в простых куртках.

Обед был вкусным, но Иван почти не чувствовал вкуса.

Он механически жевал котлету, смотрел в окно на мокрую трассу и думал об Алисе. О её голосе, о её слезах, о её предложении.

«Может, это тест? Или она просто сумасшедшая? Или... или ей действительно нужна помощь?»

Он так и не нашёл ответа. Можно было расслабиться и просто отдохнуть. Но расслабиться не дали.

Телефон зазвонил, когда Иван только уселся в машину, собираясь вздремнуть полчаса. Номер был Сомова.

– Иван. Ты мне сегодня не нужен. Забери Алису из дома. У неё опять куча важных дел.

– Хорошо, – ответил Иван, и сердце уже забилось быстрее, хотя он пытался сохранять спокойствие.

Он завёл двигатель, вырулил на трассу. Дождь усилился, дворники работали на максимальной скорости. В салоне запахло мокрой резиной и прелой листвой – где-то под сиденьем завалялся старый лист, занесённый с улицы.

Через десять минут он подъехал к дому. Дважды нажал на сигнал – коротко, условленно.

Алиса вышла сразу, словно стояла за дверью и ждала сигнала. На ней было тёмно-синее пальто, волосы убраны в небрежный пучок, лицо без косметики – и от этого казалось ещё более красивым, почти болезненно красивым, как у мадонны с картины старых мастеров.

При виде её сердце Ивана бешено забилось, ладони мгновенно вспотели. Он сжал руль, стараясь унять дрожь.

– Здравствуй, Ванечка, – нежным голосом проворковала она, садясь на заднее сиденье.

– Здравствуйте, – ответил Иван, и голос предательски дрогнул. Все мысли, которые он собирал целое утро, разом исчезли, будто их смыло этим бесконечным дождём.

– Отвези меня куда-нибудь.

– Куда? – он растерялся, обернулся к ней. Она смотрела прямо, глаза блестели.

– Ну ты же мужчина, должен знать, – раздражённо ответила она, и Иван почувствовал себя полным идиотом.

– Алиса... Сергеевна. Что-то случилось?

В ответ – громкие рыдания. Алиса закрыла лицо платком, плечи её затряслись. Иван растерялся окончательно, не зная, что делать: то ли выходить из машины, то ли ехать, то ли вызывать скорую.

– Поехали к тебе домой, – сквозь слёзы произнесла она, не отнимая платка от лица. – Ты же один живёшь?

– Один. Но у меня не убрано, бардак настоящий, – попытался отмазаться Иван, представив свою холостяцкую берлогу: разбросанные носки, пустые бутылки из-под пива, грязную посуду в раковине.

– Поехали, – властным голосом, не терпящим возражений, произнесла Алиса, и рыдания прекратились так же внезапно, как начались.

Ивану ничего не оставалось, как завести двигатель и поехать.

Всю дорогу в салоне висело тревожное молчание. Иван не знал, что думать. Ситуация была настолько абсурдной, что мозг отказывался её обрабатывать. Жена его работодателя, шикарная женщина, едет к нему в квартиру, в его холостяцкую конуру, после того как только что рыдала у него на глазах.

Он попытался включить музыку – просто чтобы заполнить тишину, но Алиса тут же резко сказала:

– Выключи.

Иван послушался.

Они въехали в его спальный район. Дома здесь были старые, хрущёвки, облезлые, с облупившейся краской на фасадах. Дворы – серые, с ржавыми качелями и вечно мокрыми скамейками. Иван припарковался у своего подъезда, выключил двигатель. Дождь барабанил по крыше, стёкла запотевали.

– Приехали, – сказал он глухо.

В подъезде пахло привычной смесью кошек, сырости и дешёвых сигарет. Лампочка на лестнице мигала. Они поднялись на третий этаж молча – только звук шагов по бетону и дыхание Алисы за спиной.

Иван открыл дверь, пропустил её вперёд.

Квартира встретила их полумраком. Небольшая однушка: прихожая, заваленная обувью, узкий коридор, комната с разложенным диваном, на котором до сих пор лежало скомканное одеяло, кухня с облезлым столом. На стене – постер с

«Диким Западом», на подоконнике засохший цветок.

– Раздевайся, – буркнул Иван, скидывая куртку. – Чай будешь?

Но Алиса не ответила. Как только он закрыл за собой дверь и повернулся, она кинулась ему на шею с такой силой, что он чуть не упал. Её губы нашли его губы, руки вцепились в волосы, пальто упало на пол, открывая тонкое шёлковое платье.

– Алис... Алиса... – попытался он сказать, но она заглушила его поцелуем.

Она сбрасывала с себя одежду прямо в прихожей, он за ней. Они добрались до комнаты, до дивана, падая, задыхаясь, сливаясь в одно целое под монотонный стук дождя по подоконнику.

Всё закончилось быстро – слишком быстро, как всегда бывает, когда напряжение копилось слишком долго. Иван откинулся на спину, тяжело дыша, глядя в потолок с пожелтевшей побелкой. Алиса лежала рядом, прижимаясь к нему.

А потом она опять заплакала. Иван сел, встревоженный.

– Что такое? Я тебя не обидел? – спросил он, и в голосе звучала искренняя тревога.

– Не могу я так жить, – Алиса вытирала слёзы, но они текли снова. – Смотри, что у меня.

Она откинула волосы, и Иван увидел на её шее тёмные пятна – следы пальцев. Багровые синяки, которые уже начали желтеть по краям, но всё ещё выглядели жутко.

– Этот изверг меня чуть не придушил, – всхлипывая, продолжила она. – Я уже думала, что всё – мне конец. Ты даже не представляешь, что со мной он творил.

Иван молчал. Слова застряли в горле. Он смотрел на эти следы и чувствовал, как внутри закипает холодная ярость.

– Тебе нужно обратиться в полицию, снять побои, – начал он, хотя сам понимал, как наивно это звучит. – Или уйти от него и развестись.

– Какая полиция, какой развод! – она почти выкрикнула это сквозь слёзы. – У него везде свои люди. Он меня не отпустит. Он не раз говорил, что расправится со мной. Что моё место будет только на кладбище. И никто мне не может помочь, я совсем одна, мне не к кому обратиться за помощью.

– Но что-то нужно сделать, – настаивал Иван.

– Нужно освободиться от него, – Алиса посмотрела ему прямо в глаза. Взгляд её был странным, одновременно молящим и холодным. – Просто знай, – продолжила она. – Я всегда говорю то, что думаю. Мы с тобой... мы могли бы быть счастливы. Я устала бояться. Устала от боли. Ты же видишь, какой он?

Она показала на едва заметный желтоватый след у виска, прикрытый тональным кремом.

– Это было два дня назад.

В горле у Ивана встал огромный ком. Гнев на Сомова, жалость к Алисе, отвращение к себе за своё бессилие – всё это смешалось в тошнотворный коктейль.

– Уйди от него, и никаких проблем, – выдохнул он, понимая, как глупо это звучит.

– Ты такой наивный! – грустно улыбнулась Алиса. – От него уже не уйдешь. Мне остается только убить его и сесть в тюрьму.

Иван внезапно почувствовал странное воодушевление. Мысли заметались.

– Брось всё и уезжай, – предложил он. – Спрячься. Начни новую жизнь.

– Он найдёт меня на краю земли, – с грустью ответила она, и в глазах снова заблестели слёзы. – Ты не знаешь на что он способен.

– Я тебе никак не смогу помочь. У меня нет никакой возможности, – развёл руками Иван.

Алиса посмотрела ему в глаза долгим, тяжёлым взглядом. Потом приблизилась и шепнула почти в губы:

– Мне кажется, что именно ты и можешь мне помочь.

– Но как? – изумился Иван, чувствуя, как по спине побежали мурашки.

Алиса помолчала, собираясь с мыслями. За окном стучал дождь. В комнате темнело, хотя было всего около четырёх часов дня. Серый свет делал лица призрачными.

– Сомов собирается ехать на рыбалку, – начала она, понизив голос до шёпота. – Он рыбачит только на лодке, ставит сети. Он обязательно возьмёт тебя с собой. Ему нужен помощник. Тебе нужно будет только неловким движением пе-

ревернуть лодку. Ты спокойно выплывешь на берег. Просто будет несчастный случай.

– А он? – с ужасом спросил Иван, хотя уже знал ответ.

– Он плавать не умеет, – спокойно произнесла Алиса. – В холодной воде он долго продержаться не сможет.

– Алиса... – начал он с трудом, слова вязли в горле. – То, что ты предлагаешь... это непоправимо. Это убийство.

– Это освобождение, – парировала она без паузы. – Для меня. Для нас. Он животное. Мир без него станет лучше. Ты же хороший человек, ты хочешь мне помочь? Это и есть помощь. Единственная реальная помощь.

Иван с изумлением смотрел на неё, не в силах произнести ни слова. Перед ним сидела та же женщина, что несколько минут назад рыдала у него на груди, и говорила об убийстве так спокойно, будто обсуждала меню на ужин.

– Пройдёт полгода, – продолжила Алиса, видя его замешательство. – Я вступлю в наследство, и мы с тобой сможем уехать отсюда и пожениться. Нарожаем кучу детей и будем счастливы.

Она приблизилась к нему и поцеловала в губы. Иван отстранился.

– Я не смогу это сделать, – выдохнул он.

– Но почему? Ты разве не хочешь быть со мной? Ты разве не хочешь обрести своё счастье? – в её голосе появились истеричные нотки.

Иван лежал и не знал, что ответить. В голове билась одна

мысль: «Может, она меня проверяет по просьбе Сомова?»

Тишина затянулась. Алиса встала и начала молча одеваться. Иван смотрел, как она натягивает платье, как поправляет волосы, скрывая синяки на шее. Её движения были резкими, злыми.

– Поехали, – скомандовала она, не глядя на него.

Иван встал, натянул джинсы, рубашку. Они вышли в прихожую, где на полу всё ещё валялось её пальто. Она подняла его, отряхнула, надела. Всё молча.

Они спустились вниз, сели в машину. Дождь усилился, переходя в настоящий ливень. Вода стеной заливала лобовое стекло, дворники не справлялись. Иван вёл медленно, вглядываясь в мутный поток машин.

В салоне висело тяжёлое молчание. Алиса смотрела в боковое окно, на котором дождевые капли рисовали причудливые узоры. Иван пытался собраться с мыслями, но голова была пустой и тяжёлой, как после удара.

Когда они подъехали к её дому, дождь чуть стих. Серое небо нависало низко, обещая, что непогода задержится надолго. Влажный ветер трепал листья ухоженных деревьев во дворе – островков природы, заключённых в гранитные рамки дорожек. Воздух был сырым, тяжёлым, пахло мокрой листвой.

Алиса вышла из машины, поправила пальто.

– До завтра, – прошептала Алиса, уже собравшаяся, как актриса перед выходом на сцену. Её лицо, ещё недавно иска-

жённое горем, теперь было гладким и непроницаемым. Только опухшие веки выдавали недавние слёзы.

Иван кивнул, не в силах вымолвить слово. Дверь захлопнулась с тихим, дорогим щелчком. Он смотрел, как её стройная фигура в чёрном пальто растворяется за стеклянными дверями подъезда, будто её поглотило другое измерение — измерение благополучия, за которым скрывался кошмар.

Он не сразу тронулся с места. Руки на руле дрожали. В ушах стоял её голос, тихий, но чёткий, как лезвие: «Он не умеет плавать...»

Иван закрыл глаза, пытаясь отогнать картинку: тёмная вода, всплеск, пузыри, исчезающие в глубине. К горлу подступила тошнота.

Дождь снова усилился — мелкий, назойливый, затуманивающий лобовое стекло. Иван включил дворники, и их монотонный стук стал саундтреком к его мыслям.

– Надо ехать домой, – произнёс он вслух, сам не замечая, что говорит.

Здесь ему оставаться совершенно не хотелось. Он развернул автомобиль и поехал обратно, в свои серые кварталы, предаваясь грустным размышлениям.

В его голове крутились варианты: она сошла с ума от побоев; она проверяет его на лояльность по заданию Сомова; она действительно любит его и видит только этот выход. Но самый страшный вариант был четвёртым: она манипулирует им хладнокровно и расчётливо, и он — всего лишь пешка в

чужой игре.

Он не видел, что Алиса смотрела ему вслед из-за жалюзи на окне. Автомобиль скрылся за поворотом, и тогда она достала телефон, набрала номер.

– Алло, – ответил грубый мужской голос на том конце провода. Голос, полный уверенной силы.

– Голубок почти уже готов, – радостно сказала Алиса, и в голосе её не было ни следа недавней истерики. Только холодная, деловая весёлость.

– Он согласился?

– Ещё пока нет, но скоро созреет, – она засмеялась, поправляя волосы перед зеркалом в прихожей. – От меня ещё никто не уходил. Лошара конченный.

– Будь с ним поосторожнее. Слишком не торопи его. Дай ему время самому созреть. Можешь ему денег немножко подкинуть. Пообещай побольше.

– Хорошо, буду действовать по обстановке. Я тебя люблю, милый, – пропела Алиса и, отключив телефон, улыбнулась своему отражению.

Она направилась в ванную, включила воду, бросила в ароматную пену соль. Пар заполнил помещение, зеркало запотело, скрыв отражение. Алиса погрузилась в горячую воду, закрыла глаза.

– Любовь зла, полюбишь и козла, – грустно произнесла она, думая о чём-то своём, далёком, может быть, о настоящей любви, которая осталась где-то в прошлом, до всей этой

грязи и крови.

Вода приятно обжигала кожу. Смывала следы чужих прикосновений. Смывала слёзы. Смывала Ивана.

.....

А он тем временем ехал по мокрой трассе, и перед глазами у него стояло одно: синяки на её шее. И её голос, шепчущий о счастье, которое можно построить на трупе.

«Что же мне делать?» – думал Иван, врезаясь в вечерний поток машин.

Дождь не прекращался. Город плакал, смывая грязь с асфальта. Но ту грязь, что осела в душе Ивана, не мог смыть никакой ливень.

Он зашел домой, скинул куртку, поставил чайник. Дождь стучал по жестяному отливу за окном. Иван сел на стул, уставившись в стену. Перед ним стояли две женщины. Одна – та, что рыдала перед ним, показывая фиолетовые отпечатки пальцев на запястье. Хрупкая, сломленная жертва. Другая – та, что часами позже, в полумраке его комнаты, с холодными глазами предлагала убийство, а потом обвила его шею руками, говоря о любви.

Кто она настоящая? Или они обе – настоящие?

Телефон в кармане завибрировал, заставив его вздрогнуть. Сердце ёкнуло. Алиса? Сомов? Но на экране горело имя «Мама». Иван с облегчением выдохнул и взял трубку.

– Ваня, привет, сынок! – голос матери, тёплый и озабоченный, разлился по комнате, заполняя пустоту. – Как ты? Как работа? Не простудился? Дожди там, говорят...

– Всё нормально, мам, – сказал он, и голос прозвучал хрипло. Он откашлялся. – Работа. Всё как обычно.

– Ты какой-то... уставший, – мать умела слышать то, что скрывалось между слов. – Не перерабатывай ты. Денег хватает? Может, прислать тебе на пирожки? Ты же свой день рождения скоро забыл, а я тут...

Иван слушал её рассказ про соседей, про огород, про нового щенка, и этот обычный, простой мир казался ему сейчас невероятно далёким и драгоценным. Миром, где люди не предлагают друг другу топить мужей. Где зло – это засуха или сдохшая курица, а не тихий ужас за стенами пентхауса.

– Мам, – перебил он её внезапно. – А если... если человек в беде. И просит тебя о помощи. Но помощь эта... неправильная. Преступная. Что делать?

На другом конце провода наступила тишина.

– Ваня, что случилось? Ты влип во что-то? – голос матери стал напряжённым.

– Нет, нет, – поспешил он успокоить. – Просто... гипотетически.

Мать тяжело вздохнула.

– Грех советовать, не зная. Но я тебе скажу одно, сынок. Господь душу дал человеку не для того, чтобы её чёрной сажей марать. Даже из самых лучших побуждений. Грех он и

в Африке грех. А ложка дёгтя бочку мёда портит. Помочь можно по-разному. А вот стать соучастником... это навсегда. И с себя не смоешь.

«Навсегда». Это слово повисло в воздухе после того, как они попрощались. Иван пил остывший чай и смотрел в окно, где в отсветах уличного фонаря танцевали струи дождя. Соучастник. Он уже был соучастником? Он знал о побоях. Он занимался с ней любовью, пока её муж... что делал её муж? Бил её? Или просто жил, не подозревая, что жена уже мысленно отправила его на дно озера?

Он лёг спать, но сон не шёл. Перед глазами стояли синяки на её белой коже. И её глаза, когда она говорила о рыбалке. В них не было безумия. Была холодная, расчётливая решимость.

Иван не спал всю ночь. Он лежал на своем скрипучем диване, глядя в потолок, где жёлтое пятно от протечки расплывалось причудливым континентом. За окном шумел дождь – ровный, бесконечный, как время в ожидании приговора. Водосточная труба под окном ритмично капала: кап-кап-кап, словно отсчитывала секунды до чего-то неизбежного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.